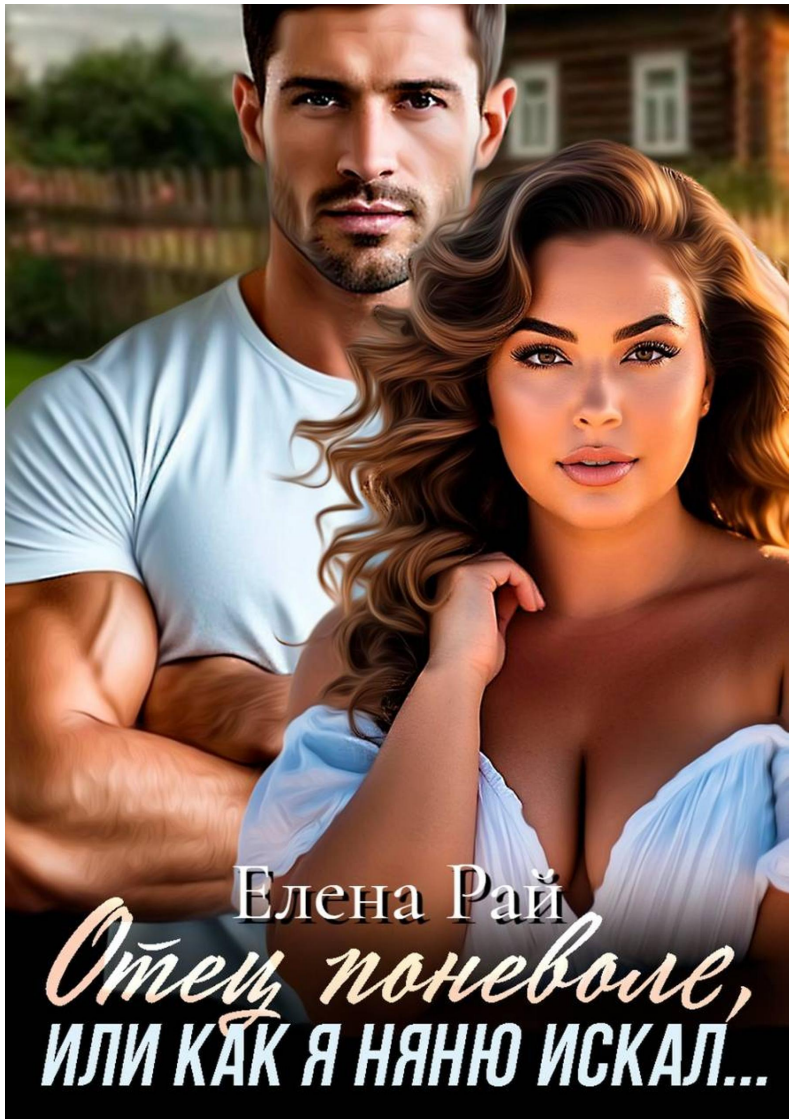

Елена Рай

Отец поневоле,
ИЛИ КАК Я НЯНЮ ИСКАЛ...

Елена Рай

Отец поневоле, или как я няню искал...

<https://litres.ru/74246753>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жил-был Иван, вроде не дурак сказочный. Жил не тужил, девок любил, женится не планировал. Думал, что вся жизнь впереди для законных отношений.

И вот однажды, когда Иван меньше всего этого ожидал, раздался звонок. Не простой звонок, а из опеки. «Иван Кузьмич, — говорят, — дело к вам есть серьёзное. Забирайте свою дочку».

Опешил Иван, почесал в задумчивости затылок, да делать нечего — привёз маленькую принцессу домой. Теперь придётся браться за ум, чтобы дочь поднять. В статусе отца-одиночки уже не побегаешь по свиданиям да и распорядок дня строго по часам.

Иван старался держаться молодцом, но понимал: одному ему не справиться. Он составил целый список требований к потенциальной няне: не старше тридцати пяти, два высших образования, опыт работы с детьми, безупречная репутации. А в мечтах так и вовсе хотелось найти няню с рекомендательным письмом от самого Президента.

И Вот он уже бежит за почтальонкой через соседские грядки, потому что именно эта девушка понравилась его дочери.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Рай

Отец поневоле, или как я няню искал...

Глава 1

Светлана

— Светка, спасибо! — баба Груша с благодарностью приняла из моих рук письмо. — Наконец-то!

— Баб, так у вас же телефон есть, — я с трудом сдержала смешок, ставя велосипед на подножку. — Или опять сломался?

— Не понимаю я ваших лопат безкнопочных! — проворчала она. — Каких нервов не хватит, пока настроишь этот аппарат для разговоров. Да и сын не забудет как писать. А так, такое письмецо душу греет. Под подушечкой у меня храню. Заскучаю — читаю, как книжку перед сном. Там и мои внучата. Смотрю и наглядеться не могу.

Бабушка так крепко прижала письмо к груди, что у меня на глазах навернулись слёзы. Перевела взгляд на двор: курочки важно расхаживают по двору, козочки щиплют траву, Шарик дремлет в своей будке — всё живёт своей размеренной жизнью. Она столько всего делает для хозяйства, чтобы,

когда приедут дети, было чем их угостить и порадовать.

— Ну что пишет-то? — шёпотом спросила я, смахивая слезу.

— Баньку мне обновит! — глаза бабушки засияли от радости. — Мне как раз надо...

Пока женщина с воодушевлением перечисляла все дела, которые сын обещал сделать, со стороны дома Тимофеевны донеслись странные звуки: гусиный гогот, чей-то мужской рык и пронзительный детский визг.

— Что это? — я напряглась, вслушиваясь в странные звуки, доносившиеся со стороны соседского дома, и повернулась к бабушке.

— Внучок к Тимофеевне приехал, — негромко ответила она. — А сама бабка на лечение легла в районную больницу — вот он и забавляется. Девки табунами ходят к нему. А у него ещё и дочка есть — такая егоза, что на всех сразу управу находит. Мужу долго бобылём ходить с такой оторвой под боком.

— Внук? Что-то я не припомню такого в деревне, — нахмурилась я, пытаюсь собрать в памяти обрывки информации о местных жителях.

— Внук, внук... Правда, не совсем по крови. У снохи уже был сынок от первого брака. Он жил с отцом, поэтому ты его и не видела раньше. А тут Тимофеевна со своим наследством начала чудить — первым откликнулся именно он. Теперь дом точно ему достанется.

— А когда они приехали? — спросила я.

— С неделю как, — хмыкнула бабушка. — Ты же сама только позавчера приехала и сразу в огороды нырнула.

В этот момент гусиное шипение, детский испуганный вскрик и низкий мужской рык, прозвучавший ещё страшнее предыдущего, заставили нас обеих вздрогнуть. Бабушка резко выпрямилась, поправляя платок на голове.

— Вот ведь незадача, — пробормотала бабушка, бросая на соседский двор настороженный взгляд.

Я молча кивнула, чувствуя, как внутри растёт тревожное предчувствие чего-то недоброго.

— Дочка, проведай их, — обеспокоенно произнесла она. — Малинку у меня пособирай. Зайди к ним с гостинцем. Малая любит ягодки.

Взяв лукошко, я аккуратно собрала крупные, спелые ягоды с куста. Затем подкатила велосипед к соседнему участку. Там, на крылечке, сидела девчушка лет пяти-шести и отчитывала гуся за плохое поведение.

— Петя, ты почему папу обижаешь? — погрозила она гусю пальчиком. — Он тебя на суп пустит!

— Га-га-га, — гусь прижался боком к девочке, словно ища защиты.

— Вот он посидит дома, подумает и расхочет варить суп, — позвякала она ключами в воздухе.

— Га-га-га, — гусь прикрыл голову крылом, будто понимая каждое слово.

— Лена, открой дверь! — рычал мужчина изнутри дома.

— Леночка!

Вдруг девочка заметила меня и выдала такое, к чему я была не готова:

— Папа на мне женат, а вы тётя колобком катитесь. У вас и велосипед есть под горочку.

Я не смогла сдержать смех. Гусь уставился на меня с явным подозрением, а девочка обиженно оттопырила губы.

— Так, я почтальонка, — протянула ей открытку, которую купила в столице для себя, но для доброго дела не жалко. — А это малинка в подарок.

— Почтальонка? — заинтересованно спросила девочка, её глаза заблестели от любопытства. — И мой папа тебе не нужен?

— Нет, солнышко, — присела я на корточки рядом с ней. — Твой папа мне совсем не нужен. Может, выпустим его? А гуся я могу с собой забрать...

— Ммм, — она отправила в ротик спелую ягодку, задумчиво глядя на меня. — Уговорила!

Мне показалось подозрительным, что папа девочки внезапно затих. Осторожно приблизившись к двери, я провернула ключ и медленно распахнула её. То, что последовало дальше, было совершенно незапланированным.

Огромный мужчина, словно разъярённый бык, нёсся прямо на меня. Он пытался затормозить, я — увернуться, но всё вышло совсем не так, как хотелось бы. В итоге я оказалась

сверху на мужчине, а он с глухим стуком ударился спиной о пол.

— Ш-ш-ш-ш-ш, ты кто такая? — прошипел он, при этом не выпуская меня из своих железных объятий. Он был невероятно крепким, огромным, сильным. Его глаза, словно два уголька, сверкали гневом и настороженностью. Вот это я попала!

— Папа, это почтальонка! — гордо воскликнула девочка, размахивая открыткой с видом на Красную площадь. — Она мне почту доставила! А ты на всех шипишь! Иди-ка ты в угол! А Петруша за тобой присмотрит!

Глава 2

Иван

Всё началось с моей глупой шутки: «Эх, гусь наш прямо на суп просится!» Теперь я, как преступник в камере строгого режима, сижу взаперти в бабушкином доме. Моя пятилетняя дочь Лена, вооружившись ключами, объявила мне бойкот. «Наказан!» — гордо заявила она, запирая меня.

А всё из-за того, что этот пернатый деспот, которого моя бабушка обожает больше, чем собственного внука, так цапнул меня за ногу, что я до сих пор вспоминаю с содроганием. Гусь явно считает меня своим личным врагом.

— Леночка, доченька, — приговариваю я, барабана в дверь. — Ну открой, пожалуйста! Я же пошутил, честное слово!

— Папа, — отвечает она с другой стороны, — ты же знаешь, как Петруша тебя боится. Я только-только добилась его доверия!

Делаю вид, что пытаюсь выломать дверь — пусть знает, что я серьёзно настроен. Дверь жалобно скрипит, в доме раздаётся грохот.

— Ой! — взвизгивает Лена. — Папа, прекрати! Ты же его напугаешь!

— Лена, — говорю я самым проникновенным голосом, — я обещаю больше никогда не упоминать суп в присутствии

Петруши. Честное слово!

— Ещё посиди! Он тебя боится!

— Га! — в подтверждение её слов.

Спросите, как я оказался здесь, а дочь снаружи? Зашёл в дом привести себя в порядок, а то приходится бегать между туалетом, рукомойником и домом. Цивилизация, конечно, здесь не в почёте, но выбора нет — здоровье дочери важнее.

У Леночки начались проблемы со здоровьем — подозрение на аллергию, а там и до астмы недалеко. Врачи посоветовали сменить обстановку, и тут как раз бабушка со своим наследством позвонила. Недолго думая, собрали вещи и вот уже неделю живём здесь.

Самое сложное — это бесконечные вопросы соседей о матери Леночки. Здесь все любопытны до невозможности. Не успеешь закрыть одну калитку — они уже через огород лезут. А мне не хочется, чтобы дочь страдала от этих эмоциональных качелей.

Знаете, повезло ещё, что родная тётка дочери привезла её в детский дом и указала на меня как на возможного отца. Сама-то она жила в такой нищете, что даже пол в доме прохудился.

История с матерью Леночки — это отдельная песня. Там всё так запутано, что пока не время ворошить прошлое. Главное сейчас здоровье дочери и её спокойствие. А остальное приложится.

— Папа на мне женат, а вы тётя коlobком катитесь. У вас и

велосипед есть под горочку, — донёсся до меня обиженный голосок Леночки.

— А это малинка в подарок... — послышался обрывок чужой фразы.

Кровь мгновенно прилила к голове. Запрет на еду от чужих людей — одно из главных наших правил из-за непонятной аллергии у дочери. Не раздумывая больше ни секунды, я ринулся к двери. Плечо всё ещё побаливало после недавней попытки, но тревога за дочь придала сил.

Остановился на мгновение, чтобы собраться с мыслями. Прикинул расстояние до двери, попытался рассчитать траекторию движения. И в этот момент произошло-то, чего я никак не ожидал — дверь распахнулась сама собой.

Затормозить не успел. Как бычара на всех парах. Хоть вовремя сменил положение, и сам ударился спиной об деревянный пол.

Незнакомая девушка оказалась на мне в самой неожиданной позе. Наши взгляды встретились — в её карих глазах читался неподдельный испуг. Инстинктивно я обхватил её руками. Моё тело предательски отреагировало на близость женского тела. С трудом подавил желание застонать — в последний раз я ходил на «свидание» полгода назад.

— Ш-ш-ш-ш-ш, ты кто такая? — прошипел я сквозь зубы, чувствуя, как острая боль пронзила всё тело. Несмотря на недуг, не мог не отметить, насколько привлекательна эта девушка. Её фигура словно создана для того, чтобы сводить

мужчин с ума.

— Папа, это почтальонка! — радостно воскликнула Лёночка, размахивая над моей головой какой-то открыткой. — Она мне почту доставила! А ты на всех шипишь! Иди-ка ты в угол! А Петруша за тобой присмотрит!

— Я всё осознал, — выдавил я из себя улыбку, стараясь не показывать, насколько мне больно.

— Дайте же мне подняться! — воскликнула девушка, поспешно спрыгивая с меня. Моё тело предательски отреагировало на её близость, но широкие штаны удачно скрыли неловкость ситуации.

Я медленно поднялся. Расправил плечи и внимательно посмотрел на неожиданную гостью. Почтальонка оказалась не только привлекательной, но и с характером. Такие женщины всегда привлекали меня — дерзкие, уверенные в себе.

— Я там живу, — она указала в сторону белого домика с голубыми ставнями. Затем, обращаясь уже к дочери, добавила: — Лена, в любую минутку приходи... Если потребует-ся, — её взгляд на мгновение остановился на мне, и в нём читалось явное неодобрение.

— Спасибо за предупреждение, — пробормотал я. — И простите за столь... тёплый приём.

Поднял дочь на руки, крепко прижал к себе. Лена поцеловала меня в щёку и уютно устроилась у меня на груди.

— Папа, а ты точно Петрушу не тронешь? — заглянула она мне в глаза.

Я посмотрел в сторону гуся. Тот, нахохлившись, наблюдал за нами с явным подозрением.

— Точно, — твёрдо ответил я, хотя в глубине души понимал — с этим пернатым защитником нам ещё предстоит найти общий язык.

Тем временем почтальонка грациозно устроилась на велосипеде и покатила в сторону реки. Я невольно проводил её взглядом — эх, беззаботная холостяцкая жизнь...

— Егоза, руки помой, потом обедать пойдём, — обратился я к дочери, стараясь не выдать своих мыслей.

Лена спрыгнула с моих рук и помчалась к рукомойнику. Пока я накрывал на стол, в который раз объяснял ей, почему нельзя брать еду у незнакомцев. Она кивала, внимательно слушала, но я знал — эти слова пролетят мимо ушей, как ветер сквозь деревья.

После обеда в доме воцарилась странная тишина во время дневного сна. Слишком странная. Я насторожился — с моей непоседой такое затишье не к добру.

— Лена? — позвал я, но ответа не последовало.

Выбежал во двор — пусто. Сердце ёкнуло.

— ЛЕНА!

Глава 3

Светлана

С тяжёлым сердцем я направилась к реке. Тревожно было за... мужчину. Его дочь — маленький бесёнок с миленьким личиком. Им предстоит вместе пройти долгий путь взросления. Вместе они будут учиться на своих ошибках, вместе переживать маленькие трагедии, которые в подростковом возрасте кажутся концом света.

Интересно, что стало с матерью этой девочки? Где она сейчас? Пожалуй, стоит расспросить бабушку — она всегда в курсе всех событий «наших», а то и из соседней деревни.

В памяти всплыла старинная примета: «До Ильи мужик купается, а с Ильёй с рекой прощается». С самого детства я знаю об этом поверье. Правда, сейчас народ переделал его на свой лад, говоря, что второго августа Илья в воду пописал. Появляется ряска, вода теряет свою прозрачность и уже не такая тёплая, как раньше.

И сейчас я убедилась в этом лично — вода оказалась ледяной! Моё тело мгновенно покрылось мурашками. Вспомнив, что в бане с вечера осталась вода в баке, я решила, что это будет лучшим вариантом на сегодня после работы.

Пока меня не было, бабушка успела напечь моих любимых пирожков — с капустой и с яйцом. Этот аромат, знакомый с детства, мгновенно наполнил дом уютом и теплом.

— Доченька, что же ты такая невесёлая? — бабушка обеспокоенно покачала головой. — Совсем отошала в своём городе. Или всё из-за Стёпки-то?

Я тяжело вздохнула, мысленно возвращаясь к образу Лёночки и её измученного отца.

— Нет, бабуль, — ответила я, отводя взгляд. — Мысли совсем о другом.

— Этот Стёпка окаанный! — бабушка сердито перекрестилась, глядя на иконы. — Приехала бы ты тогда, и свадьбу сыграли бы. А он что? Обманул тебя, ирод окаанный! Знаю я всё, не в ромашку на сеновале вы играли! — она грозно погрозила кулаком в воздух.

Я лишь откусила кусочек пирожка.

— Бабуль, перестань, — мягко произнесла я. — Времена другие теперь.

— Времена другие, говоришь? — бабушка расхохоталась, сверкнув глазами. — Это ты верно подметила! Твоя маменька-то трижды замужем была, и никто простыню на показ не выставлял. А она тебе звонила, мать-то твоя? Небось, опять занята?

— Сказала, что перезвонит — жду.

Бабушка недовольно поцокала языком и, немного помолчав, решила сменить тему разговора:

— Светка, сходи вечером в клуб. Там сейчас столько молодёжи — каникулы же!

— Скучно там, — ответила я, доедая уже половину пи-

рожка.

— А ты потанцуй! — предложила бабушка с энтузиазмом.

— С кем? — усмехнулась я.

— С мужиком, конечно! С бабой-то что танцевать? — рассмеялась она. — Зимой будем в окошко смотреть и ждать твоего принца... Кстати, знаешь, Толик-тракторист до сих пор холостой. Присмотрись к нему!

Я нахмурилась и, решив всё-таки спросить о том, что меня интересовало, посмотрела бабушке прямо в глаза:

— Ба, а ты знаешь внука Тимофеевны?

— Ивана, что ли? — переспросила она. — Знаю, конечно. Он ведь с неделю назад приехал с прицепом. Что-то там с матерью девочки у него неладно. Сам держится особняком от местных, ни с кем особо не общается. А бабы на него так и липнут, а он только вздыхает да отворачивается.

— Вздыхает? — переспросила я.

— Да, Светка, — кивнула бабушка, помешивая чай. — Мужики во все времена нижними чакрами думают. А с прицепом особо не побегаешь. Он ведь без няньки остался. Тимофеевна сразу после меня на обследование легла — очередь у нас такая.

После сытного перекуса я направилась к баньке. Перед покосившейся дверью остановилась, оглянулась через плечо и бросила взгляд на новый дом — полностью построенный в прошлом году на кредитные деньги. Бабушка вложила свои сбережения, а я помогла своими доходами от частных он-

лайн-консультаций.

Да, психологическое образование действительно выручило. Утром — почтальонка, а с четырёх часов — консультирую людей онлайн.

С нетерпением жду, когда мастер завершит ремонт в ванной комнате. Через две недели он обещал установить современную душевую кабину и подключить туалет. Тогда у нас будет всё как в городе. А там и баньку обновим — сделаем не хуже, чем у бабы Груши, а может, даже и лучше.

Я уже смывала с себя мыло, когда через маленькое окошко заметила во дворе Леночку. Рядом с ней важно вышагивал гусь Петруша, словно охраняя девочку.

В это время бабушка возилась с курами. Заметив девочку, она тут же подошла к ней:

— Деточка, ты чья будешь?

Леночка гордо выпрямила спинку и с улыбкой ответила:

— Я — папина радость!

— Пирожка хочешь? — предложила бабушка.

— Хочу! Хочу! — захлопала в ладоши девочка, и бабушка, не медля ни секунды, повела её в дом.

Я замерла, прислушиваясь к их удаляющимся шагам. Что же происходит? Потянулась к двери, чтобы выглянуть, но вовремя опомнилась — я же совершенно голая! Пока я торопливо обтиралась полотенцем, дверь в баню скрипнула. Это был Петруша.

— Кыш! — попыталась я прогнать его, но гусь лишь на-

клонил голову и уставился на меня своими выразительными глазами, словно оценивая ситуацию.

В этот момент я неловко поскользнулась. Кончик полотенца предательски соскользнул вниз, и я едва успела прижать его к груди. Подняв глаза, я увидела темную фигуру, которая словно заслонила собой солнце. Это был он — отец Леночки.

Прижимая полотенце к груди, я во все глаза смотрела на него, не в силах отвести взгляд.

— Я буду кричать... — произнесла я нарочито медленно, чувствуя, как взгляд невольно скользит по его мускулистой груди с редкой порослью волос. Ниже — V-образная линия мышц, уходящая под резинку домашних штанов. Сглотнув ком в горле, я подняла глаза.

Иван стоял неподвижно, словно окаменев. Его кадык дёрнулся, а губы будто онемели — он не мог произнести ни слова.

— Ау... — позвала я его, стараясь вернуть в реальность. — Лена с бабушкой в доме...

— Ладшки убери, — его голос прозвучал глухо, а глаза казались чёрными-пречёрными.

«Ай, какой же он!» — пронеслось в мыслях. Ладшки убрать? Что он имеет в виду? Бабушка что-то говорила про нижние мужские чакры...

Я открыла рот, собираясь предупредить его, что отхлестаю берёзовым веником по лицу — а в этот момент моя ба-

бушка его поленом по спине огрела.

Глава 4

Бабушка, несмотря на свой возраст, до сих пор держит оборону участка как генерал — стратегически, с достоинством и лёгким перцем драмы.

— Надо буханку вызывать, — объявила она. — Повяжут этого извращугу, чтоб не подглядывал! Дочка, опять я очки потеряла! Глянуть бы в глаза этому окаянному да посрамить, как следует!

Я захохотала, прижимая к груди полотенце, будто оно могло уберечь меня от смехового припадка. А гусь громко загоготал.

— Так, на тебе, бабушка, — а сама чуть ли не задыхаюсь от смеха.

Она водрузила их на нос и тут же застыла — разглядела того, кто проник на наш участок вполне оправданно. А вот за всё остальное... Ух, мысленно его второй раз огрела!

— Ванятка — бросила она, как будто это всё объясняло.

— Это папа Леночки, — поспешила я уточнить.

— Ой, святая покровительница, — всплеснула руками бабушка, чуть не сбив с головы очки обратно. — Чуть ли дитятко сиротинкой не оставила! Вот дура старая! Глаза не те уже — обозналась!

Иван, впрочем, не обиделся. Он только сел на корточки, приложил ладонь к виску.

— Если больше драться не будете, — проговорил он хрипло, — скажите, где моя дочь.

— В хате, — растерялась бабушка, — мультики смотрит. Каких-то колобков разноцветных включила. Говорит — это «Пингвины из Мадагаскара», но я вижу — одни кругляшки прыгают

Тут Петруша зашипел, медленно приближаясь к Ивану. Но мужчина даже не дёрнулся.

— Пойдём, сынок, пойдём, — вдруг мягко сказала бабушка. — У меня там пирожки с капустой, горячие. И курятинка с картошечкой домашней — с огорода, как Бог велел. Луку с гряды нарву, укропу щепотку... Поешь, мой мальчик. Только... извини старуху.

Только бабушка скрылась с Иваном за дверью, как Петруша повернул ко мне свою длинную шею и уставился с таким наглым интересом, будто не гусь, а завсегдатай бульварных романов.

Не дожидаясь, пока он начнёт демонстративно расправлять крылья или, не дай Бог, приступит к ухаживаниям, я захлопнула дверцу прямо перед его любопытным клювом и поспешила накинуть просторный домашний сарафан.

Иван... Его взгляд, когда он попросил «ладошки убрать». Я резко сжала пальцы. Что это было? Он ведь мог просто сказать: «Извините, ищу дочь». А он властно, почти по-хозяйски... Дикарь!

Прижала ладони к щекам — горят, как будто их обдало

паром.

«Кто вообще сказал, что женщинам нравится такое? — мысленно возмутилась я. — Когда мужчина врывается, смотрит, как будто ты — его собственность?»

Но...

А если задуматься... Если задуматься — сердце бьётся быстрее.

— Да, что со мной? — шепнула я. — СВЕТКА! Посмотрели на неё... Попросили... Тьфу!

В этот момент дверь дома распахнулась. На пороге — Иван, Леночка и целый кулёк пирожков, видимо, в качестве извинений.

— Лена, это не обсуждается, — сказал он, глядя на дочь строго. — Я волновался.

Девочка насупилась, сложила руки на груди.

— Я не маленькая!

Рядом, как телохранитель, встал Петруша.

— Как ваша голова? — не удержалась я от вопроса.

Он посмотрел на меня. Не просто взгляд. Это было... Как будто он видел всё, что я пыталась спрятать: и смех, и испуг, и эти глупые, жаркие мысли, что метались в моей голове.

— Нормально, — сказал он.

— Вам бы обратиться к врачу...

— Дочка, домой, — перебил он, не отводя от меня глаз.

Взял Лену за руку и повёл прочь.

Как только Иван с девочкой скрылись за поворотом тро-

пинки, бабушка вдруг остановилась посреди двора, вытерла ладонь о фартук и, глядя вслед уходящим соседям, фыркнула:

— Баба ему нужна, — бросила она с таким видом, будто раскрыла великий секрет природы. — А уж какая — дело десятое.

И, не дожидаясь моего ответа, пошла по хозяйству.

Я постояла. Постояла. Решила: надо заняться делом. Иначе начну думать. А думать — опасно. Лучше всего пришло в голову — уборка.

Подняла, вытряхнула, протёрла. А в углу шкафа, заваленного старыми платками и вязаными носками, нашла его — моего вязаного гуся, с кривым клювом и одним глазом, который я когда-то пришила кое-как. Вязала его в пору, когда влюбилась в крючок, а не в мужчин. Вязала — и мечтала. О чём — уже не помню.

Постирала, прополоскала в тазу. На солнце — и за час как новенький. «Леночке отдам, — решила. — Она же обожает гусей. А я... Я выросла».

Неспешно пошла по тропинке. Воздух пах землёй, ромашкой и дымком из трубы... И тут — грохот. Сзади трактор.

Стёпка не глушит мотор, вываливается из кабины и решительно встаёт передо мной, загораживая дорогу своей широкой, в потных пятнах, грудью.

— Светка, — ухмыляется. — А поговорить не хочешь?

Я даже не остановилась.

— Поздравляю, — бросаю, как нож. — Совет вам да любовь, да только без меня.

Он смеётся. Подходит ближе. И целует. Прямо посреди дня.

— А давай снова вместе? — шепчет. — Как раньше. Я ведь тебя помню. Ты вся дрожала...

Я толкаю его. Из всех сил. В грудь. Хотела — чтобы упал, чтобы в грязь лицом!

Но он только качнулся. Ухмыляется.

— Как раньше — не получится, — говорю, и голос дрожит от ярости. — Ступай прочь, дурак.

И бегу, вытирая губы тыльной стороной ладони, пытаюсь стереть его прикосновения — к счастью, не догнал. Только слышу издалека его ругань.

И вот я уже у дома Тимофеевны. Замедляю шаг. И замираю.

Иван... Колет дрова... Мышцы напряжены. Пот стекает по вискам...

Он оборачивается.

Я пугаюсь. Как будто поймали на краже. И бегу. С вязаным гусём под мышкой — стыдоба, да и только.

Краем глаза замечаю что-то. Тень. За деревом. Кто-то смотрел. Недружелюбно. Зло. Колоче. Оглядываюсь — и никого. Только шелест листьев, стрекот кузнечиков, ветерок, играющий с моими волосами. Может, показалось?

Но тут — шорох. Снова. Позади. Тяжёлое дыхание. Я обо-

рачиваюсь... И вскрикиваю:

— А-а-а-а-а!

Мужская ладонь прижимается к моим губам.

Глава 5

Иван

Бабушка меня по голове так зарядила — хоть святых выноси. До сих пор в ушах звенит, будто колокольчик в башне трезвонит. Аж дурно стало, пришлось присесть на лавочку.

Дочка, хитрюга, тут же развязала кулёк с пирожками, выудила один — с капустой, свой любимый — и шмыгнула в дом.

А я замечаю: между пирожками — бумажный конвертик, потрёпанный, с надписью «Для головы».

Бабушка Светланы приговаривала, когда собирала для нас гостинцев: *«На похмелье — раз, при простуде — два, а если думы тяжёлые — три. Помогает, как молитва, только бы верить»*.

Заварил чай — тёмный, с мятой и чем-то ещё. Пустил настаиваться, а сам уселся на крыльцо. Сижу, смотрю на ясное небо, и в голове — одна Светлана. Ну и девица... Формы — как у нимфы, волосы блестят, будто масло по ним гладили, а глаза — плутовские, с огоньком. Эх, был бы я свободен — давно бы уже приударил за почтальонкой, да так, что лифчик сам бы расстегнулся. Но Леночка в моей жизни... И всё по-другому. Холостяцкая вольница кончилась, как пирожок с капустой — съеден за минуту.

Чай немного остыл — отхлебнул. Первый глоток резко-

ват, с кислинкой, но греет. Второй — уже как обнимка. А к третьему — и душа оттаяла, и голова перестала гудеть, будто кто-то выключил пылесос в черепной коробке. Допил с сухариком с изюмом — и будто новым человеком стал. Бабушкин чай — не шутка.

Решил — мириться будем. Мужiku на маленькую девочку обижаться — грешно. Мы ведь только привыкаем друг к другу. У меня, конечно, гиперопека включается — готов сторожить её, как дракон сокровище.

— Леночка, — захожу в её комнатку, — принёс яблочки и водичку.

Она молчит. Только крепче прижимает подушку к груди, будто щит. Глаза в пол, но вижу — слушает.

Выхожу тихо, не давя. Снова наливаю чай до краёв. Выношу кружку на крыльцо. Воздух... чистый, с запахом дыма. И вдруг — будто током прошибло. Хочется что-то делать. Подметать, чинить, рубить дрова.

— Папочка... — тихо зовёт меня дочка. — Прости меня, пожалуйста.

— Я боялся за тебя, моё сокровище, — говорю почти шёпотом. — Вдруг что-то случится... Вдруг потеряешься... — и в горле першит, дыхание будто в груди спирает. Не от усталости — от этого страха, который цепляется за рёбра, как колючка.

Тут гусь вылез из-за угла, уставился на меня, как на дурака. Стоит, голову склонил, будто говорит: «Опять папаша

раскис».

А Леночка вдруг выпрямляется, вытирает глаза и, как ни в чём не бывало, меняет тон:

— Папочка, а я няню выбрала.

Замираю.

— Ну, удиви меня, — готовлюсь выслушать про какую-нибудь фею с крыльями или бабушку-ведьму из мультфильма.

— Света, — говорит чётко. — Ты же её знаешь.

Молчу. Конечно, знаю. Почтальонка. С длинными волнистыми волосами, голосом, от которого мурашки, и улыбкой, будто с рекламы для взрослых. И грудь... Чтоб меня!

И, да — она действительно могла бы быть няней. Внешне — идеально.

— Папочка, — добавляет Леночка, глядя прямо в глаза, — ты же меня любишь?

А вот это уже чистый шантаж. Прямо в сердце. И, честно — я каждый раз на него ведусь. Как будто у меня нет выбора. Как будто любовь — это не чувство, а рычаг управления.

Присаживаюсь на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне.

— У Светы... — говорю задумчиво, — у неё уже есть работа. У неё свои заботы.

Вижу, как в глазах у дочки начинают собираться слёзы. Не плачет — сдерживается. Но это хуже. Потому что она верит. Верит, что я могу всё изменить.

— Но... — добавляю тише, — если ты так хочешь... Я поговорю с ней. Спрошу. Без обещаний, Лен. Просто спрошу.

Она бросается мне на шею. Крепко. Так, что аж дыхание перехватывает.

— Спасибо, папочка! Ты самый лучший!

А я сижу, обнимаю её, чувствую тёплое дыхание на шее — и думаю: *«Что ж ты со мной делаешь, девочка?»*

А гусь, гад, опять загоготал. Ну и пусть. Пусть смеётся.

Отправил Леночку играть с куклами, а сам пошёл к поленнице. Топор в руках. Удар — и чурбак раскалывается чисто, по волокну. Ещё удар — и в голове ясности нет.

Хотелось думать о другом, но мысли всё время сворачивали на одно... Дурак озабоченный — вот кто я.

Вдруг слышу шорох. Лёгкий, как шаг кошки по сухим листьям. Оборачиваюсь и врезаюсь взглядом в неё.

Света. Здесь. Замерла. Глаза широко раскрытые, испуганные. На лице румянец, будто её застукали за чем-то тайным. А может, застукала «меня».

И дала дёру с места. Как ветер. Бежит, не оглядываясь.

А я как с цепи сорвался. Топор полетел в сторону, будто не мой. Ноги сами понесли. Не думая. Не взвешивая. Только одно — догнать. Инстинкт, не разум.

Догнал. Она вскрикнула. Резко. Не знаю, как так вышло — прижал ладонь к её губам.

К розовым. Пухлым. Тёплым.

Ток. Настоящий. Как будто пальцы коснулись провода.

Мягкая, живая плоть под ладонью. Дыхание, тёплое, дрожащее, сквозь пальцы. Её глаза — уже не испуганные, а... иные. Глубокие. Завораживающие.

Стоим. Ни звука. А потом опомнился. Убрал ладонь с её губ. Отступил. Но не отпустил. Нет. Вместо этого мягко, но неотвратимо подвёл к старому яблоневому стволу. Привалился, зажав в тёплом капкане рук. Не грубо. Не как пленницу.

— Не хочешь... стать моей няней? — выдавил я.

Она прошептала, так близко, что губы коснулись моих:

— Так-то... Вы выросли. Уже взрослых тётей своими габаритами пугаете.

Завис. Не дышу. Не двигаюсь. Даже сердце, кажется, остановилось, чтобы не нарушить идиллию.

И тут — чок.

Острая боль между лопаток. Резко как укол.

— А, ну-ка, кыш!

Света вдруг вырвалась из моих рук и встала между мной и петухом как щит. Подняла палку, что валялась у корней яблони.

— Кыш, говорю — повысила голос. — На суп бы пустить!

Петух задрал шею, гордо закудахтал, будто оспаривает приговор, но — отступил.

— Ох, не везёт вам с живностью, — наконец замечаю, что под мышкой у Светы вязаный гусь. — Пойдёмте. Рану обрабатую. Сами-то вы не дотянетесь. А заодно Леночке вязано-

го гуся подарю. Чистый, к слову.

— А зачем убегает... ли? — скривился от ощутимой боли.

— Я же не кусаюсь.

— Ну-у-у-у-у...

Она мне так и не ответила, а торопливо под локоть повела к дому. По пути мы встретили компанию здешних мужиков; и взгляд одного из них, направленного на Свету, уж очень мне не понравился — как будто она не человек, а кусок мяса на прилавке.

— Пошли, пошли, — мягко, но настойчиво поторопила она, подталкивая меня в спину ладонью — чуть выше того места, где петух оставил свой «след».

Глава 6

Светлана

От сердца отлегло — оказалось, за мной гнался вовсе не какой-нибудь маньяк, а Иван, отец Леночки.

Вроде бы должна была успокоиться, а он какого-то ляда решил заткнуть мне рот ладонью, а потом и вовсе сделал странное предложение — стать его няней.

Я решила отшутиться, а он не улыбнулся в ответ. Смотрел. Прямо. Как волк — не голодный, а хищный, терпеливый, уже выбравший добычу. В нём было что-то первобытное: мужественное, грубоватое.

Почувствовала, как щеки горят. Его странное предложение вдруг обрело похабный оттенок, будто он не про нянюшку говорил, а предлагал прийти к нему ночью, когда Лена уснёт, да заняться чем-то вполне обоюдно-приятным.

И тут, как на грех, петух бабы Зои, этот вечный хулиган с перьями, вдруг вспомнил о своих обязанностях самца и вцепился клювом прямо в поясницу Ивану.

Оттолкнула соседа и встала между ним и петухом. Накануне почту заносили — чуть ли в бедро не клюнул окаянный! Вот и палочка моя у яблони. Как лежала, так и лежит. Была бы детвора, то в миг бы её оприходовали. А сейчас только дачники — школа закрылась, а молодёжь вся в Москву перебралась.

— Кыш, говорю, — пригрозила, помахав палкой. — На суп бы пустить!

Когда петух отступил, то посетовала на то, что к мужчине живность не равнодушна — так и норовит укусить. Проявила инициативу обработать рану — большой же как медведь.

— А зачем убегал... ли? — заглянул в мои глаза он. — Я же не кусаюсь.

— Ну-у-у-у-у...

Сама я не знала, что ответить — решила промолчать. Не каждый вопрос нуждается в ответе. А промолчишь — за умную сойдёшь.

И тут как назло Стёпка с мужиками в нашу сторону идут. Смерили нас взглядами. Особенно бывший пристально и недобро.

— Пошли, пошли, — подтолкнула Ивана в спину. — А то сейчас тут начнётся.

— Что начнётся? — усмехнулся он, но пошёл.

— Разборки, — бросила я. — Здешние мужики считают, что умнее всех, а решать споры — только драться. Один скандал — и разговоров до следующего лета.

Чувствую затылком — за нами наблюдают. Оборачиваться не стала. И так знаю... Степан.

Разыгрывал из себя романтика. Обещал вечную любовь, дом на берегу, детей, счастье. Я тогда была глупой, наивной — поверила. Отдалась. А он... Он отпрянул, как от чего-то грязного в самый ответственный момент, когда своей жен-

щиной сделал. Побрезговал прикасаться, пока девственную кровь не смыла из ведра дождевой водой.

Не простила. Не поверила больше. Уехала в Москву. Бабушка всего не знает — порчу бы на этого дурня навела.

Мы с Иваном вошли во двор, и тут же раздался детский визг. Из дома вылетела Леночка:

— Папа — ты настоящий волшебник! — кинулась она к отцу, прижимаясь к его бедру. — Света теперь будет с нами жить! Правда?

Молчу. Я не обещала. Ни-че-го.

— Ой, а это мне? — девочка заметила игрушку в моих руках.

Я присела на корточки.

— Да, Лен, — улыбнулась я. — Это тебе. Я сама сделала. Пусть у тебя теперь живёт.

— Ой... — ахнула Леночка. Прижала гусёнка к груди, будто боялась, что его отнимут. Зажмурилась. — Именно такого я и хотела... Спасибо! — и вдруг обхватила меня руками, крепко, по-детски искренне. — Света, не уходи, пожалуйста. Я тебе все игрушки покажу. Поиграем? У нас даже чай будет с вареньем.

Как объяснить ребёнку, что у меня своя жизнь? Своя работа, свои обязательства? Но врать тоже не хотела.

— Лена, — сказала я, глядя ей прямо в глаза. — Я не смогу быть вашей няней. У меня есть бабушка, ей нужна помощь. И своя работа. Но... — я сжала её плечики. — Твой

папа сделает всё, чтобы ты была счастлива.

— Ладно... — шмыгнула носом она. — Пойду познакомлю его с другими игрушками. Мы будем чай пить. И... И оставим тебе с папой печенье.

Развернулась и побежала в дом.

— Я думал, будет сложнее, — хмыкнул Иван, глядя вслед дочери.

— Тоже, — выдохнула. — Покажите аптечку. Обработаю вашу ранку — и пойду. Бабушке ещё по хозяйству помочь надо.

— Знае... те, — сказал он тихо. — Ленка редко кого так сразу принимает. А...

На это я тоже ничего не ответила. Обработала небольшую ранку. Заклеила её пластырем и... практически сбежала из дома Тимофеевны. Уж слишком сексуальный у неё внук, а у меня слишком дурные мысли рядом с ним.

У своего забора я ожидала кого угодно — но только не её. Ольга.

Стоит, как грозовая туча. Взгляд ледяной, с ноткой презрения.

— Будь человеком, — начала она, не здороваясь. — Не вставай между нами.

Я замерла. Даже рот приоткрыла от удивления. Серьёзно? Она серьёзно это говорит?

— Ой, да вы с ума сошли? — вырвалось у меня. — Степан мне не нужен. Пользуйся на здоровье!

Она резко сжала губы. Глаза сверкнули.

— Тогда чего хвостом около него крутишься? Люди видели... — голос стал выше, резче. — Москвича не смогла охотмуть, так на моего Степана полезла? Ну да, сначала шила из себя невинную, а теперь — вон, шмотки напялила, как настоящая... — она скривилась, — ...распутная девка. У мужиков и в мыслях нет, а у тебя — сразу в постель лезть!

Я почувствовала, как кровь бросилась в лицо.

— Ты вообще о чём? — процедила я, сжимая кулаки. — Он ко мне лез, а не я к нему. Ты бы лучше с ним поговорила, а не сюда припёрлась.

— Ах ты... — и вдруг она накинута.

Первое, что почувствовала — резкая боль в волосах. Она схватила прядь и дёрнула вниз. Я вскрикнула, потеряла равновесие. А она уже на мне — сидит, как на троне, с перекошенным от злобы лицом.

— Пожалеешь... — прошипела, прижимая моё плечо коленом. — Ох, пожалеешь, потаскуха! Я тебе покажу, как чужих мужиков соблазнять!

Резким движением рванулась в сторону, перекатилась — и вдруг оказалась сверху. Она ахнула. Удар. Второй. По щеке, в плечо. Она визжала, царапалась, но я уже не слышала.

Потом... Уже не помню, кто кого бьёт.

И вдруг — БАХ!

Выстрел. Резкий, оглушительный. Прямо над моей головой.

Глава 7

— Даша?! — удивлённо посмотрела на свою школьную подружку, которую не видела, кажется, года два. Как-то не складывалось всё, чтобы встретиться. Она живёт в соседней деревне, где в последние годы не просто не «вымирают», а, наоборот, рождаются дети. Новые семьи, новые дома, даже школу в прошлом году открыли.

— Слезай с потерпевшей, Светка, — рассмеялась она, глядя на меня, сидящую верхом на Ольге. — А то мне придётся вызывать участкового и вступать в дело в качестве понятой.

Я медленно сползла с Ольги, которая тут же вскочила, стряхивая пыль с джинсов. Взгляд у неё был злой, но и испуганный — видно, что помнит Дашу не по школьным пересудам.

— Оль, ну ты и не изменилась, — Даша покачала головой, усмехаясь. — Всё так же лезешь в драку, как будто это твой единственный способ быть услышанной?

— А ты, видать, только вширь и выросла, — Ольга резко провела руками в стороны, изображая гипертрофированные бёдра. — Смотри, как бы в двери не застряла!

Даша, не моргнув глазом, щёлкнула затвором и вставила новый патрон.

— Уноси ноги, Олечка, — сказала она мягко, почти лас-

ково. — Ты же помнишь, у меня не только разряд по стрельбе, но и по рукопашке. И, кстати, по психологии тоже. Знаю, что тебе просто завидно.

— Чокнутая! — покрутила она пальцем у виска, но всё-таки прислушалась к приказу-просьбе давней своей конкурентке. Даша только так у неё парней отбивала — мстила за оскорбления, доказывая, что красота не только в узкой талии.

Я отряхнулась, стряхивая пыль с коленей, и вдруг рассмеялась — искренне, до слёз. Давно со мной такого не было. Чтобы так просто, по-детски — драться, орать, а потом хотать, как будто и не было этих лет разлуки.

— Светка, дай обниму, — Даша шагнула вперёд и чуть ли не придушила меня в своих крепких, как у лесоруба, объятиях. — Ты чего, дурёха, телефон с собой не носишь? Звоню, звоню — тишина. Думала, утонула в колодце или медведь увёл в лес последнюю красавицу!

— Да дома он, на зарядке, — пожала я плечами, утирая слёзы от смеха.

— Ну ты даёшь, — фыркнула она. — А я уже думала, что спасти тебя еду. Впрочем... — она хитро прищурилась, — я и правда к тебе с ночёвкой. Разрешешь? Надо же посмотреть, как ты тут живёшь в своём «новом дворце»

— Конечно, — засмеялась я. — Бабушка только рада будет.

Из дома выбегает бабушка с дробовиком в руках. Видно,

услышала крики, шум — не стала ждать, пока беда придёт в дом, а вышла навстречу.

— Что стряслось?! — кричит она, держа ствол на изготовку. — Кто тут дрался?! Светка, цела?!

— Цела, баб, цела, — машу я руками. — Дашка к нам приехала!

Бабушка медленно опускает ружьё, прищуривается, потом вдруг узнаёт:

— Ох, Дашенька?! Да ты не изменилась, дочка! Только, кажется, ещё крепче стала... Ну, входите, входите А я уж самовар поставила — чужа, гости будут!

Бабушка сразу накрыла на стол: варенье, сметана, картошка с маслом, пирог с капустой — и, конечно, чай в самоваре, как полагается.

Вечер прошёл в шутках, песнях и воспоминаниях. Пели под гитару старые школьные хиты, вспоминали, как Даша в седьмом классе устроила дуэль взглядов с директором, потому что он не разрешил ей ходить в брюках. Как я влюбилась в учителя физкультуры, а Ольга... Да, в кого она только не влюблялась всем назло!

Когда за окном стало темно, а часы показали без пяти двенадцать, бабушка, потягиваясь, сказала:

— Н забудьте свечи погасить.

Когда за ней закрылась дверь, мы с Дашей переглянулись.

— Ну что, Свет? — она заговорщицки понизила голос. — Гадать будем? Как в детстве?

— Ага, — киваю, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

— На суженых?

— На судьбы, — поправила она. — Суженых мы и так найдём. А вот что нас ждёт — это интереснее.

Мы заварили крепкий листовой чай — тёмный, как смола, с лёгкой горчинкой. Пили медленно, не спеша, чтобы каждый глоток остался в памяти. Потом, когда осадок осел на дне кружек, перевернули их на блюдца, произнеся по три раза: «Судьба, покажись, не прячься».

Мы склонились над кружками, вглядываясь в причудливые узоры чайной гущи.

— Ого... — шепчу я. — У меня — лестница. И птица. Что это значит?

— Лестница — восхождение, — Даша проводит пальцем по краю моей кружки. — Ты идёшь вверх. А птица — свобода. Значит, скоро сделаешь выбор, который изменит всё.

— А у тебя? — спрашиваю.

Она долго молчит. В её кружке — кольцо, дорога и... волк.

— Кольцо — союз, — говорит она тихо. — Но не обязательно брак. Дорога — путь. А волк... Ну, волк — это я. Я сама. Я всегда была волком. Но, может, пора найти стаю...

— Колись, — сужаю глаза, глядя на Дашу. — Что у тебя в прошлом году с тем столичным профессором стряслось? Я ж видела — глаза у тебя тогда как у кошки под дождём.

Она на мгновение замирает. Пальцы сжимают край круж-

ки. Потом тихо ставит её на стол.

— Он... — голос у неё дрожит, но она сдерживается. — Ему докторскую надо было защищать. В Москве. А потом... не приехал.

— А ты ему... признавалась? — шепчу.

— Хотела, — она сжимает кулаки. — В день отъезда. Стояла у дома Михайловича, держала письмо. А он выходит — с ним Ольга. Улыбается. Потом девки рассказали — она сразу на Степана переключилась, как только поняла, что профессору она неинтересна.

— Ясно, — вздыхаю. — Опять она прошмыгнула в чужие отношения, как мышь в амбар.

— Ага, — Даша горько усмехается. — Но знаешь? Я не жалею.

Мы долго молчим.

— Спать? — спрашиваю я.

— Спать, — кивает она, укрываясь пледом, который бабушка набросила на диван.

Утро приходит рано. Позавтракали, да Дашка засобиралась домой.

— Может, к внуку Тимофеевны зайду... — Даша произнесла это мечтательно, глядя мне прямо в глаза.

Я только усмехнулась. Не сказала ни слова. А вместо ответа — резко сняла с ноги калошу, размахнулась и кинула прямо в неё.

— Эй! — Даша в последний момент отпрыгнула, и кало-

ша шлёпнулась в лужу, поднимая фонтан брызг. — Ты что, с ума сошла?!

— Ага, а глаза у тебя сейчас как у Ольги — шальные.

Она фыркнула, потом рассмеялась — звонко, до слёз.

— Ну и пусть, — сказала, вытирая глаза. — А то я тут, между прочим, как волчица — одна, зато свободная.

С этими словами она сорвала ромашку, и начала рвать лепестки, напевая:

— Любит... не любит... любит... не любит... любит... НЕ ЛЮБИТ! — на последнем лепестке замерла, усмехнулась. — Ну что ж, судьба решена. Не любит. Значит, не пойду.

— Вечерком позвони, — говорю я.

— Позвоню, — усмехнулась она, повесив калошу на зубец деревянного забора, как будто это вешалка в прихожей.

Она развернулась и пошла по тропинке, припевая что-то про любовь.

Я стояла у калитки и смотрела ей вслед. А потом вдохнула полной грудью и огляделась.

Тишина.

Ни криков, ни смеха, ни топота босых ног по пыльной дороге. Раньше в это время двор был как базар: дети гоняли мяч, прыгали через скакалку, устраивали «войнушки» под командованием самого старшего пацана. А теперь — пуста.

«Времена изменились, — подумала я. — Раньше детвора бегала с утра до ночи. А теперь сидят в своих гаджетах. Мы

и по болотам, и с чердака прыгали. И выросли. Живые. Целые. А теперь — родители боятся, что разобьются, поцарапаются...»

Бабушка сегодня утром собралась к своей подружке в город. Та звала её уже года два. И вот наконец созвонились, решились. Я не стала отговаривать. Возраст — штука коварная. Каждая встреча может оказаться последней. А вдруг они больше не увидятся?

День прошёл в хлопотах: доить, кормить, полоть, стирать, убирать.

Уже переоделась в пижаму, собралась ложиться — как вдруг слышу топот и детский плач.

Выскакиваю на крыльцо.

— Папа убили! — кричит Леночка, хватая меня за руку.
— Спасите папочку, пожалуйста!

— Га! — подтверждает гусь, как будто он тоже всё видел.

— Как убили?! — охаю я. — Где?! Что случилось?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.